

Институт экономики
Российской академии наук

**Е.С. Кубишин, А.П. Седлов,
Э.Н. Соболев, И.В. Соболева**

**СФЕРА ТРУДА
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

Москва – 2021

Кубишин Е.С., Седлов А.П., Соболев Э.Н., Соболева И.В. Сфера труда в условиях пандемии: Научный доклад / Рук. авт. коллектива И.В. Соболева. — М.: Институт экономики РАН, 2021. — 48 с.

ISBN 978-5-9940-0709-9

В докладе на основе данных официальной статистики Росстата и независимых социологических обследований отслежены тенденции развития сферы труда России в ходе пандемического кризиса: динамика занятости, открытой и латентной безработицы, доходов населения. Показано, что с точки зрения макроэкономических пропорций сфера труда в целом довольно успешно справляется с вызовами кризиса. В то же время формирование новых зон уязвимости усугубило болезненность его восприятия и усилило риски обесценения и деградации человеческого капитала работников, занятых в пострадавших видах деятельности. Выявлены новые стимулы и риски расширения зоны неформальных трудовых отношений. Проанализированы неоднозначные социально-экономические последствия изменения привычных потоков трудовой миграции. Обоснованы приоритетные направления государственной политики, способные дополнительно стимулировать заданный пандемией импульс к модернизации занятости и повышение на этой основе реальных доходов населения.

Ключевые слова: сфера труда, пандемия, занятость, открытая безработица, латентная безработица, структура доходов, заработная плата, неформальные трудовые отношения, миграция.

Классификация JEL: D31, J21, J31, J46, J61, J64.

Kubishin E.S., Sedlov A.P., Sobolev E.N., Soboleva I.V. The world of work under pandemic: Scientific report / Head of the author's team I.V. Soboleva. — M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2021. — 48 p.

Based on official Rosstat statistics and independent sociological surveys, the report traces trends in the development of the world of work during the pandemic crisis: the dynamics of employment, open and latent unemployment, and incomes of the population. It is shown that from the point of view of macroeconomic proportions, the labor sphere as a whole is quite successful in dealing with the challenges of the crisis. At the same time, the formation of new zones of vulnerability has aggravated the painful perception of the crisis and increased the risks of depreciation and degradation of human capital in the affected areas of economic activity. New incentives and risks of expanding the zone of informal labor relations have been identified. The controversial socio-economic consequences of changes in labor migration flows of are analyzed. The priority directions of state policy that can additionally stimulate the impulse given by the pandemic to modernize employment and increase real labor incomes of the population are substantiated.

Keywords: world of work, pandemic, employment, open unemployment, latent unemployment, income structure, wages, informal labor relations, migration.

JEL Classification: D31, J21, J31, J46, J61, J64.

- © Институт экономики РАН, 2021
- © Кубишин Е.С., Седлов А.П., Соболев Э.Н., Соболева И.В., 2021
- © Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Основные индикаторы рынка труда.....	5
Глава II. Рабочее время и латентная безработица.....	11
Глава III. Доходы и заработная плата	16
Глава IV. Неформальная занятость и неформальные трудовые отношения	23
Глава V. Трудовая миграция.....	34
Заключение	42
Литература.....	46

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19 вызвала приостановку экономической деятельности, массовое закрытие малых и средних предприятий и серьезно затронула сферу труда, обернувшись значительным сокращением занятости и доходов населения, ростом безработицы и бедности практически по всему миру. Россия не осталась в стороне от этих процессов. Однако текущий кризис существенно отличается от предшествующих. В его основе не колебания экономической конъюнктуры, а неизбежные в условиях пандемии административные ограничения — длительные карантинные меры, экономические последствия которых существенно различаются в зависимости от вида хозяйственной деятельности, социально-демографических характеристик населения и особенностей национальных культур, а также от схем амортизации негативных эффектов, выбираемых государством.

Особенности российской трудовой модели, с одной стороны, и специфика текущего кризиса, с другой, заставляют предположить, что его воздействие на сферу труда и социально-экономическое положение населения могут несколько отличаться от стандартных последствий кризисных спадов экономической активности.

В докладе на основе доступных оперативных данных проанализированы основные тенденции в области занятости и доходов населения России в 2020 г., проведена оценка факторов и рисков развития сферы труда в изменившихся условиях.

ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ РЫНКА ТРУДА

Особенностью российской модели, определяющей поведение рынка труда в ситуации сокращения потребности в рабочей силе, является приверженность механизмам внутренней гибкости, а не численной адаптации, сопряженной с увольнениями работников с предприятий. Главными адаптационными механизмами традиционно выступают вынужденные отпуска, сокращенный график работы и различные модели экономии на заработной плате. Весь этот арсенал был апробирован и взят на вооружение еще в 1990-х гг. прошлого века (Соболева, 2001).

Становление такой модели трудовых отношений сопряжено как с наследием советского прошлого (*path dependence*), так и с особенностями организации оплаты труда. С одной стороны, самым опасным социальным риском в сфере занятости традиционно принято считать безработицу. Неприятие этого естественно-го атрибута рыночной экономики в большей мере характерно для постсоветского пространства, включая Россию, чем для западных стран, которые на протяжении нескольких веков развивались в рыночной парадигме. С другой стороны, низкая доля гарантированной тарифной части в структуре заработной платы и широкая распространенность серых схем оплаты труда предоставляют работодателям возможность использовать экономию на заработной плате в качестве механизма снижения затрат на рабочую силу (Соболев, 2017).

Можно предположить, что именно эти механизмы, препятствующие массовым увольнениям и сокращению стандартных показателей занятости, активно используются сегодня. Для проверки этой гипотезы посмотрим, как изменялись доступные показатели занятости в 2020 г. Поскольку для индикаторов рынка труда характерны сезонные колебания, более четко влияние пандемии можно проследить при сопоставлении с соответствующим периодом прошлого года.

Наиболее точная статистика занятости доступна по кругу крупных и средних предприятий. Как видно из табл. 1, занятость в этом сегменте экономики в период пандемического кризиса не претерпела существенных изменений.

Таблица 1. Динамика занятости на крупных и средних предприятиях

Категория	Соотношение численности замещенных рабочих мест (2020/2019, %)										
	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	год
РСС	101,7	100,6	100,6	100,1	100,2	99,7	99,8	99,8	99,9	99,9	100,7
ВС	101,2	98,8	98,8	96,8	99,7	102,3	102,5	102,8	101,6	102,1	100,1
ГПД	106,1	90,1	90,1	90,8	98,4	94,9	95,6	95,9	98,0	98,4	96,8
Все	101,8	100,3	100,3	99,8	100,2	99,6	99,7	99,8	99,9	99,9	100,6

Составлено по: данные Росстата.

Данные Росстата не подтверждают опубликованный в июне прогноз Центра стратегических разработок, согласно которому к концу 2020 г. следовало ожидать резкого (до 1,8%) увеличения доли занятости на основе гражданско-правовых договоров (ГПД)¹. Он, по-видимому, был основан, с одной стороны, на экстраполяции тенденции 2019 г., а с другой – на ожиданиях, что в условиях неопределенности среди работодателей усилится стремление к переводу работников с бессрочных контрактов на гибкие условия занятости. В действительности, однако, на крупных и средних предприятиях, наоборот, наблюдалось небольшое сокращение доли внешних совместителей (в летние месяцы) и чуть более значительное – лиц, занятых по ГПД. Иными словами, по крайней мере

1. www.csr.ru/upload/iblock/951/951c865f5c2064bfb7d4cfb68647693.pdf.

в этом секторе экономики, по-видимому, возобладало стремление к сохранению трудовых коллективов, а проблемы сокращавшегося спроса на труд работодатели решали за счет периферии внутреннего рынка труда, не затрагивая основной персонал².

Следует подчеркнуть, что крупный и средний бизнес, по которому собирается довольно подробная административная статистика, обеспечивает менее половины совокупной занятости населения страны. Более полную характеристику динамики занятости дает ежемесячное обследование рабочей силы Росстата (далее — ОРС)³. Начиная с апреля 2020 г. его результаты фиксируют небольшое, но устойчивое отставание масштабов совокупной занятости по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. При этом, несмотря на ухудшение конъюнктуры, большинство потерявших работу не спешили уходить с рынка труда и занимались активным поиском новой⁴.

Как видно из данных, представленных в табл. 2, традиционно ключевой показатель состояния рынка труда — уровень безработицы — с середины лета стабилизировался на уровне 6,3%, а в ноябре снизился до 6,1%. Это примерно соответствует показателю предкризисного 2008 г. (перед последним небольшим всплеском безработицы в 2009–2010 гг., после чего началось ее уверенное снижение, продолжившееся до начала пандемического кризиса).

Одновременно расширение материальной поддержки безработных через службу занятости привело к беспрецедентному росту регистрируемой безработицы. По сравнению с соответствующим периодом предыдущего года отражаемый этим показателем охват безработных мерами государственной поддержки вырос до невиданных ранее масштабов. Если до пандемии в службе занятости регистрировали не более четверти от общего числа безработных, то во втором квартале 2020 г. поддержку государства получали уже

-
2. Следует отметить, что такая стратегия была выбрана крупными предприятиями не только в России, но и в большинстве стран ЕС, Великобритании и США (*Adams-Prassl, Boneva, Golin, Raub*, 2020).
 3. До 2016 г. — «Обследование населения по проблемам занятости». Начиная с I квартала 2016 г. изменено на «Обследование рабочей силы».
 4. Согласно результатам экспресс-опроса ЦеТИ НИУ ВШЭ, доля оставшихся на рынке труда после потери работы составила около 70% econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-rynok-truda.

Таблица 2. Динамика уровня участия в рабочей силе, занятости и безработицы

Месяц	Уровень (%):					
	участия в рабочей силе		занятости		безработицы	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020
Январь	61,9	61,9	58,8	59,1	4,9	4,7
Февраль	62,1	61,7	59,1	58,9	4,9	4,6
Март	62,0	62,0	59,1	59,1	4,7	4,7
Апрель	61,9	61,7	59,0	58,1	4,7	5,8
Май	61,9	61,7	59,1	58,0	4,5	6,1
Июнь	62,2	61,8	59,4	58,0	4,4	6,2
Июль	62,4	62,0	59,7	58,1	4,5	6,3
Август	62,6	62,3	59,9	58,3	4,3	6,4
Сентябрь	62,4	62,3	59,6	58,3	4,5	6,3
Октябрь	62,4	62,1	59,5	58,2	4,6	6,3
Ноябрь	62,9	62,3	60,0	58,5	4,6	6,1
Декабрь	62,7	62,2	59,8	58,6	4,6	5,9

Составлено по: данные Росстата.

почти $\frac{2}{3}$, а в третьем – почти $\frac{3}{4}$ безработных. Правда, пока что дополнительная поддержка носит преимущественно пассивный характер. Однако уже поставлен вопрос о необходимости реформирования службы занятости, расширения ее возможностей по оказанию реального содействия в повышении конкурентоспособности работников и нахождении достойной работы⁵.

В восприятии и населения, и властей, несмотря на объективный относительно невысокий и стабильный уровень безработицы, фиксируемый ОРС, угроза ее роста обозначилась как один из наиболее значимых рисков, порождаемых пандемией. Это может быть следствием ряда обстоятельств.

Во-первых, это нестандартность динамики безработицы по территории страны. Своеобразие последнего кризиса состоит в том, что он сильнее всего ударил по традиционно благополучным столичным регионам, где высока доля населения, занятого в наиболее пострадавших в результате наступления пандемии видах экономической деятельности. В силу как структурных особенностей

5. mintrud.gov.ru/employment/employment/784.

экономики столиц, так и того обстоятельства, что они (прежде всего Москва) оказались в эпицентре распространения эпидемии, именно здесь спрос на труд испытал наибольшее шоковое сокращение. При этом уровень открытой безработицы, хотя и не достиг объективно тревожных значений, но вырос наиболее резко.

На всем протяжении периода наблюдений для Москвы и Санкт-Петербурга был характерен аномально низкий уровень безработицы. Ситуацию здесь можно характеризовать как сверхзанятость. В течение последнего десятилетия уровень безработицы в Москве ни разу не превышал отметку в 2%, а в некоторые годы составлял менее 1%. В Санкт-Петербурге после «всплеска» до 2,1% в 2015 г. показатели безработицы опустились едва ли не ниже, чем в Москве.

В 2020 г. по критерию минимизации безработицы столичные регионы впервые утратили прочно занимаемые ими первые места в рейтинге, уступив их нефтеносным автономным округам. Уровень безработицы в Москве и в Санкт-Петербурге приблизился к 4%. Само по себе это немного. Однако, если регионы-аутсайдеры давно адаптировались к высокому уровню безработицы, а их население имеет наработанные стратегии выживания, то в регионах со стабильно высоким спросом на труд новая ситуация воспринимается весьма остро.

Во-вторых, при оценке ситуации следует учитывать особенности принятой в мировом сообществе методологии подсчета безработных, которой придерживается Росстат. В соответствии с ней лица, проработавшие хотя бы один час на протяжении контрольной недели за какое-либо вознаграждение, а также временно отсутствовавшие на работе по различным причинам, считаются занятыми. Таким образом, в категорию безработных не входят те, кто, лишившись постоянного рабочего места, имел тем не менее ту или иную подработку, и те, кто фактически не работал, находясь в вынужденном отпуске или в простое, но формально рабочее место сохранил⁶.

6. Этим в частности объясняется превышение показателей доли лишившихся работы по данным независимых обследований (10–13% респондентов) по сравнению с официальным уровнем безработицы по МОТ, который рассчитывается Росстатом (СоциоДиггер, 2020. С. 56).

Можно предположить, что возможности для подработки в столичных регионах и в больших городах шире, чем в среднем по стране. В этом случае стандартный показатель уровня безработицы дополнительно смещает распределение всплеска неудовлетворенного предложения труда в направлении регионов, поскольку не учитывает лиц, потерявших основную работу, но сохранивших вторичную занятость.

Таким образом, стандартные показатели занятости и безработицы не всегда позволяют судить в полной мере об остроте проблем, которые могут носить латентный характер. Более широкое представление можно получить через призму динамики фактического рабочего времени, данные о котором также доступны из ОРС.

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ И ЛАТЕНТНАЯ БЕЗРАБОТИЦА

Принимая во внимание приверженность российского рынка труда механизмам функциональной, а не численной, адаптации можно предположить, что в кризисные периоды динамика численности занятых и безработных не будет отражать реальных изменений спроса на труд. По сравнению с индикаторами открытой безработицы более развернутое представление об изменении совокупного спроса на труд позволяют получить данные о продолжительности рабочего времени, доступные из ОРС по полному кругу занятого населения.

Как видно из данных табл. 3, по сравнению с весьма скромным сокращением численности занятых падение фактически отработанного времени в низшей точке кризиса было значительно более масштабным. В апреле 2020 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года фактически отработанное время сократилось более чем на четверть. Затем началось постепенное восстановление экономической жизни, сопровождавшееся увеличением спроса на труд, и в третьем квартале продолжительность рабочих часов почти вплотную приблизилась к докризисным значениям. Соответственно изменялись и удельные показатели: средняя продолжительность рабочей недели в апреле достигла минимального значения 28,5 ч по сравнению с 38,2 ч в апреле 2019 г., т.е. разрыв составил почти 10 ч.

В то же время, если посчитать среднюю трудовую нагрузку фактически работавшего населения (без учета временно отсут-

ствовавших на работе по различным причинам), разрыв в средней продолжительности рабочей недели по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года сокращается до минимальных значений. В апреле, когда падение экономической активности было самым глубоким, средняя продолжительность рабочей недели фактически работающего населения составила 37,9 ч, что лишь на 1,1 ч меньше соответствующего показателя 2019 г. Отсюда следует, что перевод на сокращенный график работы использовался менее активно по сравнению с различными вариациями вынужденных отпусков. Это отражает ситуацию, когда триггером ограничения экономической активности выступает не недостаточность спроса, как в условиях стандартного кризиса, а им являются административные запреты, вызванные пандемией.

Таблица 3. Динамика рабочего времени

Месяц	Количество отработанных часов в неделю							
	всего (тыс. ч)		изменение		на занятого (ч)		на фактически работающего (ч)	
	2019	2020	разница (тыс. ч)	2019/2020 (%)	2019	2020	2019	2020
Январь	2698500	2699568	1068	100,0	37,9	37,8	39,0	38,9
Февраль	2727378	2718607	8771	99,7	38,2	38,2	39,2	39,2
Март	2729663	2723571	6092	99,8	38,2	38,2	39,1	39,2
Апрель	2726586	1999305	727281	73,3	38,2	28,5	39,2	37,9
Май	2696628	2177803	518825	80,8	37,7	31,1	38,8	38,3
Июнь	2710890	2474445	236445	91,3	37,7	35,3	39,3	38,9
Июль	2650233	2541945	108288	95,9	36,7	36,2	39,2	39,3
Август	2660738	2552138	108600	95,9	36,7	36,2	39,1	39,0
Сентябрь	2742603	2654626	87977	96,8	38,0	37,7	39,3	39,0
Октябрь	2743192	2657671	85521	96,9	38,1	37,8	39,2	39,1
Ноябрь	2770854	2655689	115165	95,8	38,1	37,6	39,2	39,0
Декабрь	2764886	2676093	88793	96,8	38,2	37,8	39,2	39,2

Рассчитано по: данные ОРС Росстата.

Данные табл. 4 свидетельствуют не только о резком увеличении масштабов временного отсутствия на работе, но и о некотором расширении занятости на условиях неполного рабочего времени, а также о сокращении доли лиц, продолжительность рабочей

недели которых превышала стандартные 40 ч. Иными словами, обследование Росстата показывает, что продолжавшие трудиться на рабочих местах люди, как правило, не сталкивались с необходимостью брать на себя обязанности временно отсутствовавших: они не стали работать больше.

Здесь данные Росстата не вполне подтверждаются независимыми обследованиями. Так, по данным двух раундов экспресс-опроса ЦЕТИ НИУ ВШЭ (май и июнь), о том, что работать приходится больше, чем раньше, заявил каждый десятый респондент из числа занятых⁷.

Таблица 4. Распределение занятого населения по продолжительности рабочей недели (%)

Месяц	До 20 ч		21–30 ч		31–40 ч		40+ ч		0 ч	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020
Январь	2,5	3,8	2,8	2,2	87,2	85,8	4,7	5,5	2,9	2,7
Февраль	2,7	2,7	1,9	2,1	87,8	86,8	5,0	5,9	2,6	2,6
Март	2,7	2,7	2,1	2,2	87,7	86,5	5,1	5,9	2,4	2,6
Апрель	3,1	5,2	2,3	2,8	85,0	63,8	7,1	3,5	2,5	24,8
Май	3,4	4,5	3,1	2,5	84,9	70,4	5,7	3,8	3,0	18,8
Июнь	2,9	3,2	2,1	2,4	84,2	80,1	6,7	5,0	4,1	9,2
Июль	3	2,6	2,0	2,0	82,3	82,2	6,2	5,3	6,5	7,8
Август	2,9	3,3	2,3	2,2	82,9	82,3	5,7	5,1	6,2	7,2
Сентябрь	2,8	3,2	2,2	2,2	84,9	85,3	6,7	5,9	3,5	3,5

Рассчитано по: данные ОРС Росстата.

Доступная из ОРС информация о фактической продолжительности рабочего времени позволяет дать более точные оценки реальных масштабов безработицы, соотношения ее открытых и скрытых форм. Если скорректировать численность занятых с учетом лиц, временно отсутствовавших на работе⁸, получим примерно такую же динамику численности фактически работавшего населения, как и отработанных часов: глубокий провал в апреле–мае и начало постепенного восстановления в июне (табл. 5).

7. econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-gynok-truda.

8. В данном случае речь идет не о переводе на дистанционную занятость, а о перерывах в осуществлении трудовой деятельности по тем или иным причинам.

Таблица 5. Динамика численности занятых и фактически работавших в 2019–2020 гг. (тыс. чел.)

Месяц	Занятые		Временно отсутствовавшие		Фактически работавшие			
	2019	2020	2019	2020	2019	2020	Δ (2019–2020)	2019/2020 (%)
Январь	71229	71361	2042	1932	69187	69429	242	100,3
Февраль	71488	71124	1871	1835	69617	69289	–328	99,5
Март	71488	71382	1693	1850	69795	69532	–263	99,6
Апрель	71387	70233	1781	17414	69606	52819	–16787	75,9
Май	71555	70035	2124	13145	69431	56890	–12541	81,9
Июнь	71968	70067	2927	6469	69041	63598	–5443	92,1
Июль	72222	70229	4694	5508	67528	64721	–2807	95,8
Август	72476	70495	4493	5054	67983	65441	–2542	96,3
Сентябрь	72207	70482	2503	2490	69704	67992	–1712	97,5
Октябрь	72083	70314	2142	2382	69941	67932	–2009	97,1
Ноябрь	72669	70723	1927	2642	70742	68081	–2661	96,2
Декабрь	72425	70772	1946	2523	70479	68249	–2230	96,8

Рассчитано по: данные ОРС Росстата.

Таблица 6. Динамика открытой и латентной безработицы в 2020 г.

Месяц	Безработные		Избыточные временно отсутствующие*		Открытая и латентная безработица	
	тыс.	уровень (%)	тыс.	уровень (%)	тыс.	уровень (%)
Январь	3482	4,7	–110	–	3482	4,7
Февраль	3425	4,6	–36	–	3425	4,6
Март	3485	4,7	157	0,2	3642	4,9
Апрель	4286	5,8	15633	21,0	19919	26,7
Май	4513	6,1	11021	14,8	15534	20,8
Июнь	4606	6,2	3542	4,7	8148	10,9
Июль	4731	6,3	814	1,1	5545	7,4
Август	4808	6,4	561	0,7	5369	7,1
Сентябрь	4777	6,3	–13	–	4777	6,3
Октябрь	4694	6,3	240	0,3	4934	6,6
Ноябрь	4616	6,1	715	0,9	5331	7,1
Декабрь	4433	5,9	577	0,8	5010	6,7

*превышение показателя временного отсутствия на работе по сравнению с соответствующим периодом прошлого года.

Рассчитано по: данные ОРС Росстата.

Наличие некоторого числа лиц, имеющих работу, но временно отсутствующих на рабочем месте, имеет место всегда и обусловлено различными причинами, наиболее распространенными из которых являются очередной отпуск и больничный лист. В то же время значительное увеличение этой категории работников по сравнению с обычными значениями скорее всего свидетельствует о появлении латентной безработицы, примерную оценку масштабов которой демонстрируют данные табл. 6.

По нашей оценке, в самой острой точке кризиса латентная безработица превышала открытую более чем в три раза. Таким образом, безработицей (либо в открытой, либо в латентной форме) оказался охвачен каждый четвертый работник. Однако с точки зрения как экономических последствий, так и индивидуальной жизненной ситуации открытая и латентная безработица имеют существенные отличия. Главным из них является сохранение латентными безработными связи с предприятием или организацией. Поэтому с точки зрения ее социальных последствий для работника латентная безработица значительно менее травматична, чем открытая, в особенности, если ее период не затягивается надолго.

Это обстоятельство особенно актуально при оценке остроты проблемы латентной безработицы в условиях текущего кризиса. Все индикаторы рабочего времени свидетельствуют о том, что провал занятости был резким и глубоким, но относительно кратковременным, и большинство затронутых латентными процессами работников скорее всего вернулись на свои прежние рабочие места.

ДОХОДЫ И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Как было показано выше, трудовая нагрузка на работающее население в текущем году несколько снизилась. В наиболее тяжелый период сформировался довольно обширный контингент наемных работников, которые находились в простое, но полностью или частично получали заработную плату. Как эта ситуация сказалась на трудовых доходах населения и на доходах в целом?

Согласно данным Росстата, во II квартале 2020 г. средний размер реальных располагаемых доходов по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года сократился на 9,4%. При этом реальная заработная плата практически не изменилась. В III квартале реальные доходы по-прежнему отставали от уровня 2019 г., хотя разрыв несколько сократился, а показатель заработной платы показал небольшой рост (см. табл. 7). Падение среднего показателя реальной заработной платы за весь период развертывания кризиса наблюдалось только в апреле (на 2%).

Таблица 7. Реальные доходы и реальная заработная плата в 2020 г.

Период	Отношение к соответствующему периоду прошлого года (%)		
	Реальные денежные доходы	Реальные располагаемые денежные доходы	Реальная заработная плата
I квартал	101,7	100,7	106,2
II квартал	91,7	91,6	99,9
III квартал	96,4	95,2	101,8
Январь–сентябрь	96,4	95,7	102,6

Составлено по: данные Росстата.

Оценивая ситуацию с доходами от занятости, следует иметь в виду, что российская статистика заработной платы на сегодняшний день не лучшим образом учитывает заработки работников малых предприятий и тем более теневые выплаты заработной платы, доля которых в экономике весьма высока и которые более всего чувствительны к колебаниям экономической конъюнктуры. В отличие от Росстата, данные экспресс-опроса ЦеТИ НИУ ВШЭ дают несколько иную картину. Согласно этому источнику, потеряли в заработках 38% респондентов, при этом у одного из пяти они упали более чем на четверть⁹. Однако опрос ЦеТИ не дифференцирует респондентов по характеру доходов от занятости, к которым относится не только заработная плата, а потому свидетельствует в первую очередь о том, что за средними показателями скрывается весьма пестрая картина динамики трудовых доходов. Отчасти ее позволяет уловить анализ изменения структуры доходов по источникам их получения.

Падение доходов населения сопровождалось заметным изменением их структуры (табл. 8). Уже в I квартале обозначился рост социальных выплат. Абсолютный объем совокупных социальных трансфертов вырос по сравнению с соответствующим периодом 2019 г. в I квартале на 21,1%, во II – на 7,2%, в III – на 19%. В III квартале 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом годом ранее их доля в структуре денежных доходов населения увеличилась почти на 4 п.п. В последнем квартале рост социальных выплат несколько замедлился. Превышение по сравнению с соответствующим периодом 2019 г. составило по этому источнику лишь 5,8%.

Сокращение совокупных доходов происходило за счет снижения доходов от собственности и в особенности от предпринимательской деятельности. Иными словами, наиболее ощутимые материальные потери и ухудшение социально-экономического положения испытали мелкие предприниматели и самостоятельно занятые работники.

Воздействие кризиса на доходы от занятости по найму также было неоднозначным. Насколько можно судить по доступным из официальной статистики сведениям об изменении струк-

9. econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-rynok-truda.

Таблица 8. Структура и динамика совокупных денежных доходов населения по источникам формирования (%)

Год	Доходы					
	от предпринимательства	оплата труда:			социальные выплаты	от собственности
		всего	заработная плата работников организаций	заработная плата других работников		
I квартал						
2019	6,0	61,8	43,6	18,2	19,1	4,1
2020	5,9	63,8	46,3	17,5	22,2	4,1
2020/2019*	102,5	107,6	110,6	100,2	121,1	104,2
II квартал						
2019	5,7	60,6	42,0	18,6	19,5	4,3
2020	4,0	61,8	43,8	18	22,1	4,0
2020/2019*	66,4	96,5	98,6	91,5	107,2	88,0
III квартал						
2019	6,2	56,2	38,9	17,3	19,2	4,6
2020	5,5	57,1	40,4	16,7	22,3	4,3
2020/2019*	90,1	101,4	103,6	96,3	119,0	93,3
IV квартал						
2019	6,1	54,5	нет свед.	нет свед.	17,7	5,5
2020	5,5	54,8	нет свед.	нет свед.	18,2	4,8
2020/2019*	92,8	103,5	нет свед.	нет свед.	105,8	89,8
В целом за год						
2019	6,0	57,7	нет свед.	нет свед.	18,9	5,1
2020	5,2	58,9	нет свед.	нет свед.	21,0	4,3
2020/2019*	86,9	102,4	нет свед.	нет свед.	111,5	84,6

*Соотношение абсолютных объемов совокупных денежных поступлений по каждому источнику финансирования в 2019 и 2020 гг.

Рассчитано по: данные Росстата.

туры фонда оплаты труда, среди наемных работников пострадали главным образом занятые в секторе мелкого бизнеса (на предприятиях без образования юридического лица) и работающие по найму у частных лиц. Во II квартале их совокупные доходы от занятости в номинальном выражении упали на 8,4% по сравнению с соответствующим периодом 2019 г., в III квартале – на 3,7%. В то же время совокупный фонд заработной платы работников организаций (в эту

рубрику попадают крупные и средние предприятия и организации государственного сектора, по полному кругу которых имеется регулярная административная статистика, а также мелкие предприятия, имеющие статус юридического лица) испытал лишь незначительное снижение во II квартале, которое было с избытком компенсировано уже в III квартале 2020 г.

Таким образом, изменение структуры доходов говорит об относительном укреплении социально-экономического положения наемных работников, занятых на стандартных условиях на основе постоянных контрактов, а также малообеспеченных категорий населения, получивших право на дополнительные социальные трансферты, прежде всего, семей с несколькими детьми. В то же время кризис ощутимо ударил по получателям доходов от предпринимательской деятельности и от собственности. Можно предположить, что перераспределение доходов между источниками их получения в период пандемии способствовало некоторому смягчению неравенства в середине доходной шкалы.

Такое изменение структуры доходов полностью согласуется с тенденциями изменения занятости. На сегодняшний день наиболее пострадавшими от введенных ограничений стали предприятия сферы услуг: гостиницы и рестораны, бытового обслуживания населения, индустрии туризма, а также сфера культуры. Значительная часть экономической активности в этих видах деятельности сосредоточена в секторе малого и среднего бизнеса, где распространена самостоятельная ненаемная занятость и работа по найму у индивидуальных предпринимателей. Таким образом, несмотря на то, что средние показатели заработной платы демонстрируют вполне спокойную и благополучную динамику, ситуация складывается по-разному в зависимости от вида экономической деятельности.

Данные о распределении занятого населения по видам экономической деятельности в достаточно подробной и пригодной для анализа разбивке Росстат публикует только в среднегодовом формате, опираясь на баланс трудовых ресурсов (соответственно за 2020 г. такие данные отсутствуют). Укрупненные показатели распределения населения по видам экономической деятельности доступны из ОРС, но они могут давать довольно сильное искажение реальной

ситуации, поскольку формируются на основе устных ответов работников, которые не всегда в полной мере владеют соответствующей информацией. Тем не менее на основе ОРС можно зафиксировать ощутимое снижение занятости по укрупненным позициям «строительство» и «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания».

В отличие от сведений о среднесписочной численности работников данные о заработной плате по полному кругу предприятий в разрезе довольно детальной классификации по видам экономической деятельности уже опубликованы. В табл. 9 представлена информация по отраслям, испытавшим самое сильное падение и наибольший рост средней заработной платы в январе–сентябре 2020 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года. Как среди пострадавших, так и среди выигравших от кризиса присутствуют и высокооплачиваемые, и низкооплачиваемые виды деятельности, а также с высокой и с низкой дифференциацией заработных плат.

Наиболее ощутимое падение заработной платы предсказуемо испытали работники тех видов деятельности, которые в значительной степени ориентированы на туризм — воздушного и железнодорожного пассажирского транспорта, гостиничного и ресторанного бизнеса, а также сферы культуры. В то же время последствия здесь различны. Авиаперевозки относятся к элитному сектору занятости с наиболее высокими заработными платами при их относительно небольшой внутриотраслевой дифференциации¹⁰. Поэтому даже весьма существенное сокращение заработков в 2020 г. в данном случае чревато минимальными социальными последствиями. Кроме того, с учетом кризиса отрасли авиаперевозок по всему миру угроза оттока квалифицированных кадров не только не выросла, но и вовсе временно потеряла актуальность.

Качественно иная ситуация наблюдается во второй наиболее пострадавшей отрасли. Гостиничный и ресторанный бизнес в принципе отличается низким уровнем заработных плат, сочета-

10. О внутриотраслевой дифференциации заработных плат по видам экономической деятельности см.: (Токсанбаева, 2006. С. 90–92).

ющимся с их относительно высокой внутриотраслевой дифференциацией. Последнее означает, что по крайней мере официальная заработная плата большинства занятых здесь работников существенно ниже и без того невысокого среднего показателя. Поэтому даже небольшое сокращение заработков может генерировать расширение бедности среди этой категории работников. В то же время именно в этом секторе фактические доходы от занятости существенно выше фиксируемых статистикой в силу высокой доли теневой составляющей (которая, однако, в свою очередь, наиболее уязвима к кризисам).

Таблица 9. Изменение заработной платы по видам экономической деятельности в 2020 г.

Вид деятельности	Среднемесячная заработная плата (руб.)	% от 2019	% от средней
Наиболее пострадавшие			
Воздушный и космический транспорт	119045	91,1	в 2,4р.
Гостиницы и предприятия общественного питания	26381	93,4	53
Деятельность в области спорта, отдыха и развлечений	52022	97,1	105
Железнодорожный пассажирский транспорт	58868	98,0	119
Выигравшие			
Почтовая связь и курьерская деятельность	29508	118,2	60
Здравоохранение и социальные услуги	48121	113,7	97
Добыча металлических руд	79874	111,1	162
Трубопроводный транспорт	103443	110,9	в 2,1 р.
Информация и связь	82783	109,5	168
Производство лекарств	69453	109,2	141

Составлено по: данные Росстата.

Повышение реальной заработной платы наблюдалось в отраслях первичного сектора экономики — сельском хозяйстве и добывающей промышленности (кроме добычи угля), в подавляющей части обрабатывающих производств (кроме деревообработки, полиграфии, производства мебели, одежды, автотранспортных средств, кокса и нефтепродуктов), а также в большинстве отраслей

инфраструктуры и нематериального производства. К сферам деятельности, столкнувшимся со снижением реальной заработной платы, помимо перечисленных в табл. 9, относятся строительство, торговля и культура (творческая деятельность в области искусства и деятельность библиотек, архивов, музеев).

Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день именно культура представляет собой сферу деятельности, где наиболее остро, по сравнению с другими сегментами экономики, стоит проблема заниженной оплаты квалифицированного труда, которую отчасти маскирует крайне высокая внутриотраслевая дифференциация заработков. Поэтому с точки зрения стратегических последствий для воспроизводства национального человеческого потенциала неблагоприятное влияние пандемии на работников этой сферы по сравнению с занятыми в других пострадавших сегментах, таких как торговля, строительство и ресторанный бизнес, значительно более опасно.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В условиях социально-экономических потрясений неформальная занятость рассматривается как своеобразный социальный амортизатор, обеспечивающий поддержание доходов и платежеспособного спроса населения, что продемонстрировала и российская практика последних 30 лет (Соболева, 2020. С. 105–119). Как уже отмечалось, текущий кризис, с одной стороны, непропорционально болезненно затронул традиционные сферы деятельности малого бизнеса, в котором неформальные трудовые отношения укоренились особенно прочно. С другой — он сопровождается активной государственной поддержкой легального бизнеса и населения, утратившего занятость и доходы от нее (опять же в их легальной части). С учетом этих обстоятельств его воздействие на неформальные отношения в сфере труда может быть противоречивым.

Дать однозначный ответ на вопрос, что происходит с неформальной занятостью в условиях пандемического кризиса, весьма затруднительно. В силу скудости информационной базы приходится опираться в основном на имеющиеся в разных источниках предварительные оценки, которые весьма противоречивы. В связи с этим возникают закономерные вопросы: что понимать под неформальной занятостью и насколько адекватно разные источники отражают это явление.

Неоднозначность трактовок неформальной занятости.
На сегодняшний день ни среди исследователей, ни среди пред-

ставителей органов власти и других официальных структур нет единства мнений в понимании и оценке параметров неформальной занятости, факторов, влияющих на данное явление и вызываемых им последствий. Согласно наиболее емкому, на наш взгляд, определению, неформальная занятость представляет собой «занятость, не охваченную системой трудовых и социальных прав, как в неформальном секторе экономики, так и вне его, и включает самостоятельную занятость в рамках небольших незарегистрированных предпринимательских инициатив и работу по найму на незащищенных рабочих местах» (Rethinking the Informal Economy..., 2007. P. 2). Иными словами, ключевым критерием неформальной занятости и, более широко, неформальных трудовых отношений, является отсутствие их регулирования и защиты интересов работников, вовлеченных в них, со стороны государства. Нередко неформальная форма трудовых отношений избирается одной или обеими сторонами сознательно, с целью сокрытия получаемого дохода или даже самого факта занятости.

Описанный подход находится в русле методологии МОТ, четко разграничивающей понятия неформальной занятости и занятости в неформальном секторе (табл. 10). Последний включает незарегистрированные и/или мелкие частные предприятия, занятые производством товаров и услуг для реализации. Соответственно, занятость в неформальном секторе охватывает лиц, работающих на таких предприятиях (А+Б), тогда как неформальная занятость — тех, кто трудится на неформальной основе как в неформальном секторе, так и в формальном (А+С).

Таблица 10. Матрица занятости в неформальной экономике

Сектор экономики	Неформальная занятость	Формальная занятость
Неформальный	А	Б
Формальный	С	Д

Источник: Statistical Update on Employment in the Informal Economy. Geneva: ILO – Department of Statistics, June 2012. laborsta.ilo.org/informal_economy_E.html.

Согласно Резолюции 15-й Международной конференции статистиков труда (МКСТ), государствам предоставлено право

самостоятельно устанавливать критерии отнесения производственных единиц к неформальному сектору. В России, по методологии Росстата, к неформальному сектору относятся все малые и средние предприятия, не имеющие статуса юридического лица, даже если они официально зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей (ИП) и платят положенные налоги.

Неформальная занятость как таковая Росстатом не отслеживается. Возможно поэтому для ее оценки большинство исследователей пользуется статистикой занятости в неформальном секторе, не задумываясь о том, что неформальная занятость не идентична занятости в неформальном секторе. В результате эта оценка, с одной стороны, оказывается завышенной (за счет официально оформленной наемной и ненаемной занятости на небольших предприятиях, не имеющих статуса юридического лица), а с другой — заниженной, так как не учитывает занятых на неформальной основе на предприятиях — юридических лицах, а также тех, кто занят какой-либо деятельностью без всякой регистрации (например, оказывает разнообразные личные и деловые услуги за вознаграждение). Важно, что масштабы неформальной занятости и занятости в неформальном секторе, как их рассчитывает Росстат, могут не только не совпадать, но и изменяться в противоположных направлениях.

Формальная и неформальная занятость тесно связаны между собой, между ними отсутствуют четкие границы и существует довольно масштабная переходная зона. На наш взгляд, более информативной является категория «неформальные трудовые отношения», охватывающая большой пласт работников, чей формальный статус не соответствует реальному положению в сфере труда. Хороший пример — самозанятые. С одной стороны, эта категория работников имеет официальную регистрацию, с другой — их фактическая занятость часто не соответствует данному статусу, который, по сути, используется для прикрытия работы по найму без заключения трудового договора, что позволяет существенно экономить на налогах.

Трудность получения достоверной информации о неформальной занятости обусловлена не только отсутствием ее единой трактовки, но и сложностью выявления соответствующих групп населения, часто избегающих афиширования своей деятельности, и недостаточной законодательной проработкой исследуемо-

го явления. Поэтому однозначно оценить динамику неформальной занятости в период пандемии не представляется возможным. Официальная статистика предоставляет лишь данные о динамике занятости в неформальном секторе.

Занятость в неформальном секторе. В условиях снижения доходов, неясной перспективы развития рынка труда выбор между ожиданием предложений достойной работы и неофициальной занятостью едва ли будет сделан в пользу первого. Это позволяет предположить, что в период пандемии неформальная занятость, как и в предыдущие кризисы, могла вырасти. В то же время оценки Росстата показывают, что занятость в неформальном секторе, демонстрировавшая тенденцию к росту на протяжении трех лет (с 19,8% в 2017 г. до 20,1% в 2018 г. и 21,3%, или 15,25 млн чел. во II квартале 2019 г.), с началом пандемии начала снижаться (табл. 11).

Таблица 11. Изменение некоторых показателей рынка труда

Показатель	II квартал в среднем за месяц		Изменение	
	2019	2020	абсолютное	%
Занятость, млн чел.	71,6	70,1	-1,5	97,9
Занятость в неформальном секторе, млн чел.	15,25	13,2	-2,05	86,6
Безработица: млн чел.	3,4	4,5	+1,1	+132,4
уровень, %	4,6	6,0	+1,4 п.п.	+130,4
Зарегистрированная безработица: млн чел.	0,8	2,1	+1,3	в 2,6 раза
уровень, %	1,0	2,8	+1,8 п.п.	в 2,8 раза

Рассчитано по: данные ОРС Росстата.

Обращает на себя внимание отставание темпов роста безработицы (как общей, так и зарегистрированной) от сокращения занятости в неформальном секторе. Это связано с тем, что данный сектор состоит из небольших предприятий, которые максимально пострадали от карантинных ограничений. Многие, потерявшие работу в этом секторе, либо имели еще одно место работы, которое могло сохраниться, либо были оформлены таким образом, что регистрация в качестве безработного давала право только на минимальное посо-

бие. Сокращение занятости в неформальном секторе явилось также следствием оттока трудовых мигрантов, среди которых до половины, согласно оценкам, работают нелегально, и которые составляли значительную часть работников наиболее пострадавших отраслей.

Динамика занятости в неформальном секторе неравномерна по территории страны. По данным Росстата, за II квартал 2020 г. занятость в неформальном секторе сократилась в 49 регионах. В 30 из них сокращение составило 10–30%, в том числе в 22, где доля неформального сектора и ранее была ниже среднероссийского показателя. В 36 субъектах эта доля выросла, причем в 13 – значительно, на 10–60%. В числе последних как традиционные лидеры по доле занятых в неформальном секторе – Ингушетия (55,1% всех занятых в регионе, рост на 20%), Северная Осетия-Алания (36,7%, рост на 41%), так и субъекты с низкой долей занятых в неформальном секторе – например, Мурманская область, где она увеличилась в июне на 64%. Небольшой рост занятости в неформальном секторе (менее 10%) показали еще 23 региона, в числе которых Москва и Московская область, Ненецкий автономный округ и Хабаровский край.

В большинстве регионов, продемонстрировавших значительный рост доли занятых в неформальном секторе, безработица выросла в меньшей степени, чем там, где ее доля снижалась (хотя в небогатых субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов высокая доля занятых в неформальном секторе традиционно сочетается со значительными показателями безработицы, поскольку хроническая нехватка рабочих мест способствует перетеканию нетрудоустроенной рабочей силы в неформальный сектор). Такая ситуация, с одной стороны, подтверждает амортизирующую функцию неформальной занятости в кризисный период, а с другой – является проявлением специфики влияния первой волны пандемического кризиса на рынок труда, когда уменьшение занятости в данном секторе при одновременном росте явной и скрытой безработицы может означать, что работы как в формальном, так и в неформальном секторе, по-видимому стало меньше.

Отчасти подтверждением тенденции сокращения неформальной занятости мог бы служить некоторый рост официальной занятости в малом бизнесе (на 240 тыс., или на 1,6% за период с марта по ноябрь 2020 г.). При этом общее число малых и средних

предприятий сократилось на 4,8% (на 289,5 тыс.) за тот же период¹¹. С одной стороны, это увеличение занятости может быть связано с антикризисными мерами поддержки бизнеса и снижением ставки страховых взносов для малых и средних предприятий. Но с другой — с резким скачком численности самозанятых — с 330 тыс. на конец 2019 г. до 1 млн к началу осени 2020 г. Это трактуется властями как важный шаг в борьбе за «обеление» рынка труда. Однако есть и альтернативное объяснение: с началом пандемии многие фирмы стали нанимать сотрудников, оформляя их как самозанятых, либо переводить в этот статус уже работающих¹². В этом случае неформальную занятость рост числа самозанятых явно не сокращает.

Гипотезу о расширении зоны неформальных трудовых отношений под влиянием пандемического кризиса подтверждает проведенный в сентябре 2020 г. сервисом «Работа. Ру» опрос, показавший, что из-за пандемии каждый десятый работник перешел на «серую» заработную плату. Причем такой вариант был предложен работодателем 12% персонала, из которых 2% отказались, еще 2% согласились на это, а 8% заявили, что их согласия в этом вопросе наниматели не спрашивали¹³. В пересчете на общее число занятых эти 10% составляют порядка 7 млн чел., по сути, работающих неформально. Согласно подсчетам сервиса hh.ru для «Газеты.Ру», к началу октября «серую» заработную плату в России получали уже 19% работающих¹⁴, т.е. свыше 13 млн чел.

Факторы распространения неформальной занятости.

Получить убедительные количественные оценки динамики неформальной занятости под влиянием пандемического кризиса, основываясь на доступной информационной базе, трудно, но можно проанализировать факторы, способствующие ее росту или сокращению. Среди них можно выделить те, которые порождены пандемией (ограничение экономической деятельности, меры поддержки биз-

11. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Федеральная налоговая служба. rmsp.nalog.ru/statistics.html.

12. Для этого, как правило, открывается подставная фирма, так как по закону работодатель не имеет права прибегать к услугам самозанятых, бывших ранее его штатными работниками. gia.ru/20200828/samozanyaty-1576410079.html.

13. press.rabota.ru/kazhdiy-desyatiy-rossiyanin-pereshel-na-seruyu-zarplatu-iz-za-pandemii.

14. www.gazeta.ru/business/2020/09/25/13268437.shtml.

неса, занятости и доходов, переход на дистанционную занятость, спровоцировавший скачок применения цифровых технологий), и устойчивые длительного действия, связанные с особенностями развития трудовых отношений, трудового законодательства и российского трудового менталитета.

Ведущим фактором второй группы, объясняющим устойчивость неформальных трудовых отношений, выступает обоюдная заинтересованность в сохранении статус-кво со стороны как работодателя, так и работников. На первого при официальном закреплении трудовых отношений законодательство накладывает широкий круг обязанностей, соблюдение которых весьма обременительно, а иногда непосильно. Вторые нередко сами нарушают официально установленные нормы (практикуют оппортунистическое поведение), на что работодатель «закрывает глаза», нередко с учетом этого занижая оплату труда. Лежащая в основе неформальных трудовых отношений система взаимных выгод и рисков, реализуемых на принципах личных договоренностей, обуславливает сложность выявления неформальных практик, противоречащих действующему законодательству.

В условиях социально-экономической нестабильности вовлеченность работников в область неформальных отношений позволяет им получить ресурсы для выживания, но при этом вытесняет систему официальных социальных гарантий и защиты занятости. Особенности трудового менталитета, подпитывающими неформальные практики в сфере труда, являются социальная неадаптивность работников и недоверие к официальным структурам. Многие работники плохо знают свои права и не особенно стремятся разобраться в этом вопросе.

Как было показано выше, введение локдауна в первую волну пандемии и его отдельных мер во вторую (осенне-зимнюю) нанесло особенно серьезный удар по малому и среднему бизнесу, значительная часть которого и до пандемии находилась «в тени». Более крупные предприятия либо не прекращали работу вообще, либо использовали удаленный режим, либо не стремились сокращать занятость, рассчитывая на помощь государства при условии сохранения 90% персонала. Из числа малых и средних предприятий (МСП) на те или иные виды государственной поддержки могли рас-

считывать не более 30% предприятий. Для большинства же МСП, особенно не относящихся к утвержденному списку пострадавших сфер деятельности и не имеющих, как правило, финансовой подушки безопасности, пандемический кризис стал катастрофой. На фоне неблагоприятной конъюнктуры эти предприятия скорее всего будут реализовывать стратегию выживания, переводя персонал на неформальную основу или в статус самозанятых. По некоторым оценкам, в связи с распадом до половины субъектов МСП и превращением части занятых в них по найму в вынужденных предпринимателей (ИП и самозанятых) численность занятых в неформальном секторе может вырасти на несколько миллионов человек (*Земцов, Царева, 2020. С. 163–164*).

Что же касается работников, то сложная ситуация на рынке труда вынуждает их соглашаться на «серые» схемы оплаты, когда ни размер, ни сроки выплат не регулируются законом и не прописаны в трудовом договоре и уменьшают базу для начисления пенсии. Тем не менее в текущей неопределенной ситуации это мало кого заботит, а постоянные реформы пенсионной системы приводят к тому, что получение заработной платы «здесь и сейчас» становится более важным, чем пенсии «когда-то в будущем». По данным Центра стратегических разработок, на фоне шоков 2020 г. доля граждан, допускающих неуплату налогов, увеличилась с 35 до 45% по сравнению с докризисным периодом (*Пульс экономики, 2020*). В то же время для экономики в целом сокращение объема «белых» заработков ведет к истощению социальных фондов, сложностям с выполнением пенсионных обязательств, оказанием услуг страховой медицины и иных видов социальной поддержки.

Возможно пандемия постепенно изменит структуру занятости в секторе МСП и создаст возможности для ее роста за счет развития цифровых технологий, логистики, онлайн-торговли, которым карантин и дистанционная занятость дали мощный толчок, а российские предприниматели научатся не только уходить от налогов, но и предвидеть возможные риски, предусматривать и оперативно реагировать на возникающие трудности, а не требовать помощи от государства, притом что до этого эффективно его обманывали. Владельцы бизнеса должны осознать необходимость развития собственных предпринимательских компетенций, эко-

номических, правовых и менеджерских навыков и квалификации, умения составлять реальные, а не формальные бизнес-планы.

Пандемия и криминальная занятость. Правомерность включения криминальной составляющей в неформальный рынок труда обоснована, на наш взгляд, позицией ООН, рассматривающей запрещенную законом деятельность как часть теневой экономики и рекомендующей включать ее в систему национальных счетов и в границы производства¹⁵. По нашему мнению, это должно относиться и к неформальной занятости, поскольку криминальная и иная антисоциальная деятельность нередко тесно переплетается с другими ее видами.

Оценке масштабов криминальной занятости (как разновидности неформальной) препятствует не только ее подпольный характер, но и то, что она может быть прикрыта каким-либо вполне легальным видом деятельности (учебой в вузе, работой в охранных структурах и т.п.). По данным Генеральной прокуратуры РФ, на протяжении ряда лет более 90% совершивших преступления составляют лица трудоспособного возраста, из которых свыше 64% (на сегодняшний день это более 460 тыс. чел.) не имеют легального источника дохода (хотя число безработных среди них в период коронакризиса увеличилось на 21,1%, их доля в общей безработице по-прежнему остается незначительной, и в октябре 2020 г. она не превышала 0,6%)¹⁶. Основная масса тяжких и особо тяжких преступлений совершается лицами, не имеющими заработка, причем неоднократно (57,4% ранее уже совершали преступления)¹⁷. По мнению прокурорских работников, эта категория граждан, зачастую осознанно не желает трудоустроиваться в легальной экономике. При этом отсутствие официального дохода является не причи-

15. «...тот факт, что некоторые виды деятельности являются незаконными сами по себе или могут осуществляться незаконными способами, не означает их исключения из границ сферы производства. Попытки измерения ненаблюдаемой экономики, в принципе, должны охватывать такую незаконную деятельность» (Система национальных счетов 2008. Нью-Йорк: ЕК, МВФ, ОЭСР, ООН, ВБ, 2012. С. 548).

16. Рассчитано по: Состояние преступности в России. Сборники за 2016, 2017, 2018 и январь–октябрь 2020 г. М.: МВД РФ. crimestat.ru/analytics.

17. Состояние преступности в России за январь–октябрь 2020 г. М.: МВД РФ. crimestat.ru/analytics.

ной совершения преступления, а следствием именно криминальной занятости или асоциального образа жизни¹⁸.

В период пандемии особую озабоченность вызывают два обстоятельства. Первое – это стремительный рост преступлений в сфере ИКТ и с их использованием. В январе–октябре 2020 г. таких деяний было совершено на 75,1% больше, чем за соответствующий период предыдущего года. За десять месяцев 2020 г. их доля в общем числе преступлений достигла 24,2% по сравнению с 14,0% в 2019 г.¹⁹, т.е. с использованием IT-технологий в России совершается каждое четвертое зарегистрированное преступление. Именно этот взрывной рост обусловил положительную динамику общего числа преступлений в стране в 2020 г., притом что по большинству остальных категорий преступных деяний имело место снижение, связанное с действием ограничительных мер, особенно в первом полугодии.

Количество тяжких и особо тяжких деяний, которых в категории IT-преступлений уже более половины (51,4%), увеличилось по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. почти вдвое (на 84,9%), причем подавляющее большинство (81,6%) – это хищения и мошенничество с использованием Интернета (рост на 92,9%), мобильных средств связи (рост на 96,1%), электронных средств платежа и баз данных. При этом расчетные (пластиковые) карты за десять месяцев 2020 г. стали использоваться в криминальных целях почти в 5 раз чаще, чем годом ранее. За тот же период количество выявленных правоохранительными органами России киберпреступников увеличилось почти наполовину (на 46,6%)²⁰.

Второе, еще более настораживающее обстоятельство, обусловлено тем, что преступления в сфере ИКТ и с их использованием совершаются людьми квалифицированными, владеющими методами социальной инженерии, новейшими компьютерными программами и современными цифровыми технологиями (а нередко и самостоятельно их разрабатывающими). Они быстро «модернизируют» способы своей работы, что позволяет им опережать

18. genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1589584.

19. Состояние преступности в России за январь–октябрь 2020 г.

20. Там же.

постоянно совершенствуемые средства контроля и отслеживания их деятельности. Можно предположить, что это лица наиболее активных молодых возрастов, хотя в возрастном разрезе статистика по данной категории правонарушителей отсутствует. Сами же деяния такого рода приносят очень неплохой доход²¹ и совершаются многократно²². Их преимущество, ставшее особо существенным в период пандемии — возможность осуществления в дистанционном режиме. По данным МВД, удастся раскрыть чуть более пятой части таких преступлений (22,1%). Длительный рост преступности в ряде сфер как следствие пандемии коронавируса и кризиса в стране допустил и Д. Медведев на совещании «О современных тенденциях развития криминогенной обстановки в стране и их учете при разработке проекта концепции общественной безопасности в России до 2030 года»²³.

21. В результате компьютерной преступности в первом полугодии 2020 г. интернет-мошенникам удалось совершить более 360 тыс. несанкционированных операций и похитить у клиентов банков примерно 4 млрд руб., из которых банки вернули клиентам только 12,1%. Такой объем похищенных средств на 39% превышает аналогичный показатель 2019 г. (www.rbc.ru/finances/29/10/2020/5f9ab3489a79476978846b69?from=column_45).

22. По последним данным, на одного выявленного правонарушителя в сфере ИКТ приходится примерно 8 преступных деяний (Состояние преступности в России за январь—октябрь 2020 г.).

23. ria.ru/20200609/1572700984.html.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ

Пандемия провоцирует процесс возвращения на родину временных, в том числе трудовых, мигрантов, что может существенно влиять на конъюнктуру национальных рынков труда. В период после карантина и восстановления экономики естественно ожидать обострения дефицита рабочей силы в странах-реципиентах и безработицы в странах-донорах.

Россия на момент начала пандемии находилась в переходном состоянии от положительного миграционного баланса, характерного для реципиентов, к отрицательному, имеющему место в странах-донорах. С 2017 г. отмечена тенденция роста выезжающих из страны при сокращении числа въезжающих. Однако точка равновесия, когда въезд и выезд уравниваются, пока еще не пройдена. При этом в России, хотя она и занимает четвертое место в мире по численности мигрантов²⁴, их доля в совокупной численности населения меньше, чем во многих развитых странах (см. рис. 1). Также следует отметить, что в России доля неквалифицированной трудовой миграции достигает 90%, в то время как в развитых странах она не превышает 50% (Мкртчян, Флоринская, 2018. С. 187). С выездом ситуация обратная – в основном страну покидают квалифицированные кадры. В 2020 г. миграционные процессы затормозились. Принимая во внимание эти обстоятельства, можно предположить, что влияние пандемии на российский рынок труда может быть многоплановым, но в то же время менее масштабным, чем во многих других странах.

24. По данным ООН, численность нерезидентов в России составляет около 11 млн чел.

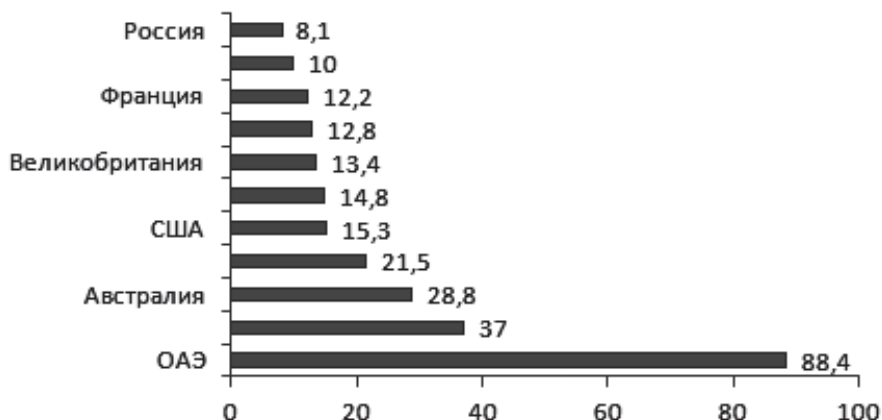

Рис 1. Доля мигрантов в совокупной численности населения по странам мира (%)

Рассчитано по: International migration report, 2017. Highlights. nonews.co/directory/lists/countries/immigrant-population.

Возвратная миграция россиян. Точной статистики вернувшихся в Россию нет. По оценкам экспертов, большая часть граждан вернулась преимущественно из неблагополучных в эпидемиологическом отношении европейских стран и США. С большим лагом времени реиммиграция в Россию имела место из стран СНГ с незначительным на тот момент распространением коронавируса (Украины, Казахстана и Узбекистана).

На рабочей группе Госсовета по противодействию пандемии С. Собянин сообщил, что только за десять дней марта в Россию прибыл 1 млн чел. соотечественников, и еще 500 тыс. ожидали возможности вернуться на родину²⁵. Однако основной состав вернувшихся – это туристы, студенты и стажеры. Данных о том, какая часть вернувшихся имела разрешение на временную или постоянную работу в странах эмиграции, нет.

Возможно, что вернувшиеся в Россию могут пополнить рынок труда востребованными квалифицированными кадрами. Также дополнительным бонусом для российского рынка труда может стать приостановка «утечки умов» не только из-за транспортных ограничений, но и в силу изменившейся ситуации на

25. Сайт Кремля 2020. 24 марта.

рынках квалифицированных работников, ученых, представителей творческих профессий развитых стран и снижения привлекательности условий жизни в этих странах.

Резмиграция из России. Судить о численности трудовых мигрантов в России сложно из-за существенных расхождений официальных данных и независимых исследований. По официальным данным МВД, основанным на статистике патентов, на сегодняшний день в стране насчитывается 2,5 млн мигрантов, в то время как до кризиса отмечалось 4–5 млн нерезидентов, имеющих патенты и разрешение на работу. Однако по оценкам экспертов, среди трудовых мигрантов до половины не обращаются за разрешительными документами. Прежде всего это касается тех, кто занят на небольших предприятиях или работает по найму у физических лиц. Этот контингент часто не прибегает к формальной фиксации трудовых отношений и работает на основе устной договоренности²⁶.

Основываясь на общих закономерностях миграционных процессов, можно было бы предположить, что в начальный период пандемии значительная часть мигрантов покинет Россию. Однако это оказалось справедливым в основном для нерезидентов из развитых стран, большинство из которых действительно вернулись домой. С мигрантами из стран СНГ ситуация не столь однозначна. С введением карантинных мер процесс реиммиграции на пространстве СНГ был блокирован жестким закрытием границ, в результате чего часть мигрантов из этого региона не смогла вернуться на родину (возможно, с учетом нелегалов — около 5 млн).

Официальная статистика не дает четкого представления о масштабах оттока. Нет единства и в оценках экспертов и специалистов. По разным оценкам, до апреля 2020 г. в России было 9–12 млн мигрантов, а после наступления пандемии осталось 7–8 млн²⁷. Наиболее независимы и мобильны в перемещениях оказались белорусы, значительно меньше стало молдаван и украинцев²⁸. По данным СМИ, из России с начала пандемии в Молдову вернулось свыше 400 тыс. чел., в Узбекистан — 498 тыс., в Таджикистан —

26. www.rbc.ru/economics/03/11/2020/5f9bf5269a794771485ceb51.

27. rg.ru/2020/08/03/kak-perezhlili-pandemiiu-i-zakrytye-granicy-trudovye-migranty.html.

28. Алексей Дуэль. Отбились от рабочих рук // Российская газета. 2020. 27 дек. Федеральный выпуск №293(8347).

около 90 тыс., в Киргизию – свыше 20 тыс.²⁹ В Москве количество трудовых мигрантов за первое полугодие 2020 г. сократилось на 40%. Аналогичная ситуация в Подмосковье, Санкт-Петербурге и ряде других регионов, традиционно являвшихся центрами притяжения труда мигрантов³⁰.

Отток мигрантов подтверждает сокращение объема денежных переводов нерезидентов из России в страны СНГ через платежные системы: в целом за II квартал 2020 г., на который пришелся пик первой волны пандемии, – на 17% (с 1,5 млрд долл. в 2019 г. до 1,2 млрд долл.), средняя сумма перевода снизилась почти на 37% (с 374 долл. до 236 долл.)³¹. В то же время в дальнейшем восстановление экономической активности, насколько можно судить по косвенному индикатору объема переводов, привело к постепенному возобновлению масштабов вовлечения мигрантов в российскую экономику. Так, если денежные переводы мигрантов на родину в мае 2020 г. составили около 30% к соответствующему периоду 2019 г., то в июне, июле их уровень почти достиг докризисных значений³².

Важным фактором, определяющим перспективы привлечения мигрантов в национальную экономику, является валютный курс. Для мигрантов из стран СНГ основным мотивом работы в России является отправка заработной платы домой, которая осуществляется путем обмена полученной суммы в рублях на доллары США. Рухнувшие из-за резкого снижения спроса, вызванного пандемией и обусловленного глобальным сужением мировой экономики в апреле 2020 г., цены на нефть сопровождалась падением курса рубля. Несмотря на валютные интервенции Центрального банка, на пике неблагоприятных изменений курс рубля снизился до 82 руб. за долл. США. Логично было бы предположить, что на фоне ухудшения условий занятости и падения курса рубля мигранты будут терять мотивацию к работе в России. Однако исследование миграционных настроений трудовых мигрантов, проведенное Институтом демографии НИУ ВШЭ, показало, что несмотря на то, что пример-

29. migranturus.com/trudovye-migranty-v-rossii-chto-budet-posle-pandemii.

30. ria.ru/20201025/migranty-1581194485.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

31. www.rbc.ru/economics/03/11/2020/5f9bf5269a794771485ceb51 (дата обращения 03.11.2020).

32. Данные ЦБ России // RBK.RU. 2020. 27 июля.

но половина респондентов лишилась рабочих мест, возвращаться домой практически никто не собирается (Денисенко, Мукомель, 2020. С. 51–54).

Главной причиной таких настроений является крайняя бедность населения стран Центральной Азии, которая большинству оставшихся в России мигрантов не оставляет выбора. Подтверждением этого являются события в Киргизии, где волнения в сентябре–октябре 2020 г. были спровоцированы оттоком трудовых мигрантов из России на родину. Однако произошедшая в стране смена власти не будет способствовать в ближайшей перспективе оздоровлению экономической ситуации в стране и снижению миграционной зависимости от России (денежные переводы мигрантов из России составляют до половины бюджета страны).

По нашему мнению, несмотря на существенное снижение курса рубля, в ближайшей перспективе абсолютная бедность в странах Центральной Азии с запасом компенсирует ухудшение условий занятости мигрантов, и иностранная рабочая сила вернется на докризисный уровень вместе с восстановлением экономики.

Конкуренция и дисбалансы рынка труда. В 2020 г. на рынке труда сложилась парадоксальная ситуация: несмотря на рост безработицы на фоне первой волны пандемии, количество традиционно «мигрантских» вакансий, по данным кадровых агентств, резко выросло и продолжило увеличиваться осенью. В Москве число вакансий в строительстве выросло на 9% в июне, в сентябре – уже на 30%, причем строителей не хватает по всей России. Следствием оттока людей стала нехватка грузчиков, упаковщиков, комплектовщиков, рабочих строительных специальностей, где по некоторым позициям она составила от 30 до 50%³³. Рядовые вакансии неквалифицированного труда, обычно заполняемые мигрантами, закрыть и сейчас крайне сложно, так как потенциал внутренней миграции в значительной степени исчерпан, и она тоже снизилась в пандемию. По данным Росстата, миграция в пределах России за январь–август 2020 г. сократилась на 449,2 тыс. чел., или на 17,2% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.³⁴

33. www.rbc.ru/business/23/10/2020/5f9227269a79471187f5ac38?

34. Информация о социально-экономическом положении России в январе–сентябре 2020 г. №9. М.: Росстат, 2020. С. 116.

Ежегодная потребность России в сезонных работниках составляет около 2 млн чел., большинство из которых прибывали из стран Центральной Азии. Однако закрытие границ не позволило нерезидентам в 2020 г. заполнить эти вакансии. Несмотря на то, что вакансии в отраслях традиционной занятости мигрантов стабильно не пользовались спросом со стороны россиян, в 2020 г. дефицит рабочих кадров, особенно в сельском хозяйстве, был покрыт национальными, в основном из числа безработных и студентов. Например, в Астраханской области около 7 тыс. безработных и студентов были заняты на уборке овощей и других сельхозработ.

Таким образом сформировался своеобразный вариант структурной безработицы, которая сочетается с дефицитом кадров, причем в наиболее пострадавших от пандемии сферах: общественном питании, ритейле, розничной торговле, бытовых услугах, домашнем хозяйстве и уходе за больными, на транспорте. Отличительной особенностью этих сфер является не только значительная доля неквалифицированного труда и «непрестижность» необходимых квалификационных навыков там, где они требуются, но и возникший в условиях пандемии повышенный риск заражения коронавирусом, связанный с тем, что речь идет о контактных видах деятельности.

Несмотря на последнее обстоятельство, в период восстановления экономики в условиях безработицы и снижения доходов населения не исключены конкурентные пересечения мигрантов и местных работников на рынке труда. Не изменится и главный мотив предпринимателей использования труда мигрантов из стран СНГ – их готовность работать за низкую плату, без официального оформления, с нарушением норм законодательства. Граждане России на таких условиях работать не хотят. И даже если формально заработная плата мигранта может быть сопоставима с оплатой труда россиян, работать за эту сумму им придется существенно больше. В период восстановления работодатель чаще будет отдавать предпочтение мигрантам, которые в условиях пандемии будут более стоворчивы при выборе условий и места работы, связанных с риском заражения COVID-19. В этой связи замена гастарбайтеров россиянами маловероятна. Пока что массового

насыщения ориентированных на мигрантов отраслей отечественными работниками не наблюдается³⁵.

Нехватка рабочих рук побуждает работодателей повышать оплату труда мигрантов и брать на себя их легальное трудоустройство³⁶. В последнее время многие российские экономисты начинают отмечать сближение заработных плат местных работников и мигрантов в идентичных условиях (Денисенко, Чернина, 2017. С. 40–57). Желая добиться более выгодных условий использования труда нерезидентов, бизнес на площадках обсуждения с государством «правил игры», постоянно напоминает о дефиците иностранной рабочей силы. Даже если этот дефицит не мнимый, логично ожидать, что со временем он будет преодолен. Такую уверенность дает практика движения населения из бедных территорий в богатые, основанная на экономических законах миграции. И все же, как представляется, восстановление миграционных потоков в полном объеме едва ли возможно до окончания пандемии. А при отсутствии значимых льгот для соответствующих сфер деятельности вряд ли стоит рассчитывать на существенное «обеление» занятости мигрантов.

В который раз в СМИ, в специальных публикациях, вновь поднят сакраментальный вопрос о дилемме использования труда работников из стран ближнего зарубежья и национальной рабочей силы³⁷. Официальная позиция государства не дает четкого ответа, ограничиваясь многочисленными поручениями (определение потребностей в иностранцах, ограничения в ряде отраслей, условия предоставления гражданства и др.)³⁸. Очень часто апеллируют к нежеланию граждан России занимать непрестижные рабочие места, что обусловлено менталитетом населения и недооценкой в статистике реального уровня доходов большей части граждан титульной нации и усилившейся угрозой заражения. Отрицать эти трудовые установки нельзя, однако они более характерны для развитых государств, где мигранты

35. Информация о социально-экономическом положении России в январе–сентябре 2020 г.

36. www.rbc.ru/economics/03/11/2020/5f9bf5269a794771485ceb51.

37. zen.yandex.ru/media/sberbook/spad-migrantov-rabotu-razdaiut-mestnym-narod-poidet-5fa657553a59d85105dd581d.

38. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622.

из бедных стран занимают особый рынок труда, с низкими фиксированными условиями оплаты (*Piore, 1979*).

В большей мере диспропорции на региональных рынках труда возникли из-за внутренней реиммиграции, имеющей четко выраженную центробежную направленность (из Москвы, Санкт-Петербурга, других крупных мегаполисов назад в регионы-доноры). С одной стороны – внутренняя реиммиграция оголяет рабочие места в столичных регионах, с другой – несомненно способствует развитию рынка труда на периферии. Синергетический эффект приобретенных компетенций и сохранившихся социальных связей в регионе проживания может стать значимым фактором возрождения экономики регионов.

Пандемия оказывает влияние в двух направлениях, которые определяют потребность в иностранной рабочей силе. Первое – переход большей части условий труда в зону риска. Второе – создание безлюдных технологий, вытесняющих человека. В ответ на угрозу заражения многие развитые страны ускорили освоение и внедрение новых технологий производства, обслуживания населения, исключая непосредственные контакты персонала, клиентов. Налажено производство и использование беспилотных такси, дронов для доставки товаров, роботов для уборки и дезинфекции помещений.

В российских реалиях оба направления рассматриваются в контексте увеличения потребности в иностранной рабочей силе. При этом налицо доминанта работодателя, который имеет установку на создание рабочих мест низкого качества, рассчитанных на непритязательность мигрантов. Заказ бизнеса на новации рассматривается в контексте низкой цены живого труда, особенно мигрантов из стран СНГ. В период выхода из карантина высокие затраты на защиту и низкую рентабельность объектов сферы услуг компенсирует непритязательность мигрантов, труд которых выступает своеобразным амортизатором дисбаланса экономической выгоды и здоровья работников. В значительной мере этому способствует слабый контроль государства за введением и использованием нормативов и стандартов в сфере труда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку кризис вызван внешними по отношению к экономике факторами, траектория его развития будет зависеть от того, как долго они будут действовать и насколько успешна будет адаптация к новой реальности.

Исследование показало, что с точки зрения динамики макроэкономических пропорций сфера труда в целом справляется с вызовами кризиса: открытая безработица и уровень занятости удержались во вполне приемлемых границах, сектору крупных и средних предприятий удалось сохранить практически докризисные масштабы занятости и оплаты труда. Несмотря на то, что вторая волна пандемии была жестче с эпидемиологической точки зрения, ее негативное влияние на сферу труда оказалось не столь суровым. Накопленная в ходе первой волны латентная безработица уже к сентябрю практически полностью рассосалась.

При этом пандемический кризис существенно исказил обычную структуру падения спроса на труд. Основными факторами риска стали необходимость живого контакта с потребителем при осуществлении того или иного вида деятельности и невозможность функционирования в дистанционном режиме. В этих условиях образовались нестандартные зоны уязвимости. Кризис далеко не во всех случаях затронул те бизнес-структуры и те слои населения, которые традиционно считаются наиболее уязвимыми. Это усугубило болезненность его восприятия: относительно сильно пострадали вполне квалифицированные и традиционно благополучные группы населения, которым по крайней мере на протяжении двух послед-

них десятилетий не приходилось разрабатывать альтернативные стратегии выживания.

Удар пришелся по сектору малого бизнеса, где сконцентрирована значительная часть видов деятельности, связанных с услугами населению, и по таким отраслям, как авиаперевозки и культура, обладающим элитным человеческим потенциалом. Ситуация для малого бизнеса стратегически скорее благоприятна, поскольку есть востребованные виды активности, на которые переориентируются более мобильные предприниматели этого сектора. В территориальном разрезе центр затронут сильнее периферии, более всего пострадали крупные города с большой прослойкой среднего класса.

С одной стороны, пандемия породила дополнительные риски, связанные с расширением зон неблагоприятных условий труда и неформальных трудовых отношений, обострением «цифрового разделения», когда сужаются возможности занятости для лиц с недостаточным уровнем цифровой грамотности, структурных дефицитов рынка труда в условиях сокращения миграционных потоков. С другой – она стимулировала распространение новых форм дистанционной и гибридных форм гибкой занятости, отвечающих интересам как работодателей, так и работников. Получила мощный стимул цифровизация экономики, существенно повысив спрос на труд в видах деятельности, сопряженных с ее продвижением и конкурентоспособностью работников, обладающих достаточными цифровыми навыками.

При благоприятном сценарии пандемия может стать импульсом для преодоления разобщенности региональных рынков труда, расширения доступа к хорошим рабочим местам для населения регионов, формирования новых стандартов безопасности и оснащенности трудовых процессов. Открываются принципиально новые перспективы и возможности использования дистанционной работы, включая современные виды деятельности (телемедицина, госуслуги через Интернет). Но одновременно дают о себе знать и новые проблемы, связанные с активным распространением более свободного и гибкого формата трудовых отношений, с чем придется считаться в будущем и что чревато новым витком деформализации трудовых отношений, если эти новации не будут оперативно учтены и урегулированы в правовом плане. С учетом быстрого роста интер-

нет-мошенничества соответствующим государственным органам необходимо начать опережающую борьбу с этим явлением, пока оно не стало ведущим сегментом теневой экономики и теневого рынка труда.

Принятые правительством меры поддержки населения и бизнеса могут стать стимулом к «обелению» занятости, что довольно отчетливо продемонстрировала уже первая волна кризиса. Наиболее пострадавшими оказались предприятия, где распространены неформальные договоренности с работниками, которые в результате остались без поддержки со стороны государства, пусть и небольшой в финансовом плане.

Уже первое полугодие 2020 г. продемонстрировало, что наиболее востребованными мерами поддержки малых и средних предприятий, а следовательно, и занятости в этом секторе, стали не столько финансовые выплаты, сколько отсрочки по уплате налогов и страховых взносов (включая двукратное снижение тарифов последних), а также платежей по кредитным договорам без начисления процентов. В то же время реализация этих мер была связана с большими проблемами, обусловленными бюрократическими барьерами и сложностью оформления, отсутствием внятного механизма получения поддержки и четких правил аренды и действий арендодателей, отказами банков в предоставлении кредитов (Пульс экономики, 2020).

Следует отметить, что при всей важности общих мер поддержки малого бизнеса такой подход таит в себе риск консервации устаревшей структуры занятости и технологий. В ходе кризисов всегда происходит «санация», выбраковка тех бизнесов, владельцы которых обладают низкими менеджерскими компетенциями: не умеют планировать свою деятельность, прогнозировать рыночную конъюнктуру, предвидеть возможные потери, подбирать и мотивировать персонал. Процесс этот нужно не тормозить, а направлять, стимулируя переориентацию на востребованные виды деятельности и более широкое использование возможностей, предоставляемых цифровизацией.

Приоритетность должны получить программы поддержки населения, связанные с предоставлением возможностей переобучения, в том числе овладением специфическими цифровыми

навыками, направленными на обновлении человеческого капитала и повышение конкурентоспособности на рынке труда. В этих целях целесообразно использовать инфраструктуру служб занятости, повышение привлекательности которых для населения в период пандемии пока что обусловлено лишь ростом масштабов материальной поддержки безработных.

Уже первая волна пандемии продемонстрировала зависимость ряда отраслей российской экономики от импорта рабочей силы и дала толчок к позитивным изменениям в отношении работодателей к мигрантам, среди которых много неформалов. Практика показывает, что система запретов на использование и ограничение труда мигрантов не способствует улучшению качества российского рынка труда. Представляется, что основой формирования механизма гармонизации интересов различных групп претендентов на рабочие места должна стать разработка развернутой системы безопасности последних. Риски заражения могут быть снижены не только за счет примитивных средств защиты (дезинфекция, маски, перчатки, антисептики и т.д.), но и на основе инженерных решений (вентиляции, новых покрытий контактных поверхностей, организации процессов обслуживания, исключая нежелательные контакты и др.).

Ряд отраслей, представленных естественными монополиями, в состоянии провести полноценный комплекс работ по защите как собственного персонала, так и контингента населения, прибегающего к их услугам. В то же время многие виды деятельности, представленные небольшими частными предприятиями, имеют весьма скудные возможности для обеспечения достойных условий труда. Поэтому государство должно не только установить разумные нормы защиты от коронавируса, но и разработать программы поддержки, которые сделали бы доступным переход на более безопасные технологии.

Подход к методам регулирования должен быть взвешенным, тщательно продуманным и учитывать возможные побочные эффекты, чтобы не «загнать» занятость глубже «в тень», что может обернуться усилением кризисных явлений в экономике. В целом пандемия может послужить стимулом для становления новых стандартов в социально-трудовой сфере. Однако насколько успешно пойдет этот процесс, во многом зависит от государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Денисенко М.Б., Чернина Е.М. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 40–57.
- Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Коронавирус и трудовая миграция // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. №7. С. 51–54. www.hse.ru/mirror/pubs/share/375148606.pdf.
- Земцов С.П., Царева Ю.В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. №10 (112). С. 155–166.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая иммиграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. №1(37). С. 186–193.
- Пульс экономики. Ежеквартальный аналитический бюллетень ЦСР. 28 августа 2020 г. www.csr.ru/ru/publications/osnovnye-vyvody-ezhekvartal'nogo-analiticheskogo-byulletenya-tssr (дата обращения 17.11.2020).
- Соболев Э.Н. Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2017.
- Соболева И.В. О недоиспользовании трудового потенциала общества в период перехода к рыночной экономике // Общество и экономика. 2001. № 10. С. 98–119.
- Соболева И.В. Сфера труда в постсоветской России: вехи развития и новые вызовы // Вопросы политической экономики. 2020. № 4 (24). С. 105–119. DOI: 10.5281/zenodo/4422757.
- Социодиггер. Ежегодник ВЦИОМ. 2020. Август. Т. 1. Вып. 1: Труд и занятость.
- Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М.: Наука, 2006.

- Adams-Prassl A., Boneva T., Golin M., Raub C.* Inequality in the Impact of the Coronavirus Shock: Evidence from Real Time Surveys // *Journal of Public Economics*. 2020. Vol. 189. doi.org/10.17863/CAM.55553.
- Piore M.* Birds of passage. Migrant labor and industrial societies. New York: Cambridge University Press, 1979.
- Rethinking the Informal Economy: Linkages with the Formal Economy and the Formal Regulatory Environment Martha Alter ChenDESA Working Paper. No. 46. 2007. P. 2. www.un.org/en/desa/products/working-papers.

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

**Е.С. Кубишин, А.П. Седлов,
Э.Н. Соболев, И.В. Соболева**

Сфера труда в условиях пандемии

Оригинал-макет — *Валериус В.Е.*

Редактор — *Ерзнкян М.Д.*

Компьютерная верстка — *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 13.09.2021 г.

Заказ № 10. Тираж 300 экз. Объем 2,4 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0709-9

9 785994 007099